

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 19-го Августа 1907 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9163.

Забытыя слова.

(Стихотворение въ прозѣ).

Я сижу у себя въ комнатѣ, въ мягкомъ, покойномъ креслѣ, и думаю. Въ комнатѣ темно, стоитъ ночь, шторы спущены, и только вспыхиванья камина бросаютъ красноватый отблескъ на старинную мебель, на выцвѣтшіе портреты по стѣнамъ; предметы оживаютъ и кажутся загадочными, фантастическими существами. Мѣрно, тоскливо и до ужаса однотонно тикаютъ на каминѣ старинные англійскіе часы въ бронзовой оправѣ: тикъ-такъ, тикъ-такъ...

Кажется, будто водяныя капли, сочась, падаютъ внизъ и, ударяясь о каменные плиты, производятъ этотъ однообразный шумъ.

Въ головѣ тупо и упрямо ворочается неопредѣленная мысль.

На дворѣ шумитъ непогода, завываетъ вѣтеръ, а за окномъ качается старый тополь и гулко стучитъ въ стекло голыми, холодными вѣтвями.

Бѣдный тополь!

Въ ясный лѣтній день онъ выпрямляется, трепещетъ листьями и, гордо поднимая вершину, улыбаясь, смотрѣть на солнце. И тогда онъ счастливъ.

Теперь не то: со страшнымъ скрипомъ гнетъ и качаетъ его вѣтеръ, а онъ хрипитъ и надрывается, борясь за свое право жизни.

Въ борьбѣ есть счастье.

Но зачѣмъ онъ стучалъ ко мнѣ? Что могу дать ему я? Я прожилъ больше половины жизни, гораздо больше, позади — вся она, а впереди только безграничнаѧ темъ, пустая, холодная, жуткая...

И я начинаю думать, усиленно думать, мучительно стараясь вспомнить что-то, какія-то слова, значеніе которыхъ такъ близко и дорого, но звукъ которыхъ забытъ, потерялъ гдѣ-то на жизненной дрогѣ.

Когда-то, какъ страшной и чудесной силой, ворочаль я ими горы, свергая одни кумиры и возносилъ другіе, молился имъ, плакалъ отъ умиленія и радости при одномъ ихъ звукахъ, и вотъ теперь — забытъ ихъ...

Почему?..

Не потому-ли, что, ставъ старикомъ, пересталъ понимать ихъ и выбросилъ на

Проектъ памятника Н. В. Гоголю.
На Арбатской площади въ Москвѣ.

улицу, какъ ненужную болѣе ветошку, или, быть можетъ, міръ перемѣнился, и они утратили свою чудодѣйственную силу?

О, нѣтъ! Они здѣсь, они подлѣ, я это знаю, я чувствую ихъ.

Прочь же безумная, безобразная страсть, прочь нудная, тоскливая, бесполезная жизнь,—я хочу молодости, хочу счастья, веселья, хочу жизни, настоящей жизни!

Но вспомнить... Ахъ, я не могу вспомнить ихъ!

Зачѣмъ стучишь ты ко мнѣ, старый другъ?

Слова потеряны, и мы умремъ вмѣстѣ, когда-нибудь въ скверный осенний день, и солнце не будетъ играть своими золотистыми лучами на металлической крышѣ нашего гроба.

Мы умремъ вмѣстѣ.

На скучномъ кладбищѣ за городомъ, выроютъ мнѣ яму и бережно опустятъ въ нее жалкіе останки старика. Весной свѣжій колмъ покроется веселой зеленью, и беззаботные воробыи станутъ чирикать надъ нимъ.

А ты, срубленный, будешь валяться подъ моимъ окномъ, охраняя жилище своего друга. Но тщетно.

Придутъ люди, перевставятъ мебель, снимутъ со стѣнъ порыжѣвшіе портреты и замѣнятъ ихъ новыми. Потомъ поднимутъ тяжелыя, пыльныя шторы, и радостные лучи свѣта ворвутся въ комнату и запляшутъ на мрачныхъ обояхъ.

И все оживетъ кругомъ.

Зачѣмъ стучишь ты, старый товарищъ? Мы оба осуждены на смерть, а она не минуетъ своихъ жертвъ.

Ахъ, мой старый, мой вѣрный тополь! Наше прожито: молодость идетъ на смѣну.

Каминъ тухнетъ. Послѣдній отблескъ заигралъ на противоположной стѣнѣ, огонь вспыхнулъ, и нѣтъ его.

Это жизнь умерла.
Ахъ, не стучи, перестань, старый товарищъ!
Вѣдь, слова забыты.

Л. Абрамовичъ.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Я зналъ ее милюмъ ребенкомъ когда-то...

Я дѣйствительно зналъ ее милюмъ ребенкомъ. Это была высокая, стройная, точно молодая пальма, смуглышка съ миндалевидными зелеными глазами, пушистой, слегка распущенной косой и поразительно крохотными ножками. Говорили, что отецъ ея былъ грузинъ, и правда: юга родного на ней сохранилась примѣта. Во всемъ сказывалась горная порода: и стройность, и матово-смуглый цветъ лица, и разрѣзъ страстныхъ глазъ, и слегка чувственнымъ ротъ съ чудными бѣлыми зубами. Даже въ манерѣ ходить сквозило что-то горное, грациозное и дикое. Она была худа, но не болѣзnenной худобой, а точно вся со-

ставлена изъ нервовъ и мускуловъ. Учи-
лась она въ одномъ изъ дорогихъ пан-
сионовъ и, прѣѣзжая къ роднымъ, зараж-
ла хохотомъ и весельемъ весь домъ.

Чрезвычайно чуткая и отзывчивая къ людскому горю, она, не зная ласки матери, не видя любви, до безумия любила цветы, животныхъ, книги, а особенно дѣтей, превращаясь сама въ ребенка, а вмѣсть съ тѣмъ наряду съ добротой у нея были какія-то дикія выходки злобы и раздраженія, вызванныя, быть можетъ, ея нелегальнымъ положениемъ и вѣчно поднятымъ нервно настроениемъ и болѣзнями самолюбіемъ. Жила она у дальнихъ родныхъ, которые старались дать понять, что она вовсе не родня, да и слава Богу, ужъ очень она была порядочна и правдива. Мать не признавалась, что у нея есть дочь, и, выйдя замужъ за богатаго человѣка, разыгрывала нѣжную мать и добродѣтельную жену. Когда я однажды спросилъ дѣвушку про мать, она вспыхнула, и на рѣчицахъ ея пошли слезы. „Мать?—прощептала она, у меня не было матери“, и поспѣшила перемѣнить разговоръ. Окончивъ курсъ, полна надеждъ, ждала она чего-то въ жизни, и въ мимомъ ребенокъ стала проглядывать будущая женщина. Видѣль я ее на вечерѣ. Одѣтая въ легкое розовое платье, отѣланное чайными розами, легко и грациозно скользила она по паркету. Вся зала глядела на нее. Танцевала она обворожительно, даже не сознавая этого. И когда она, танцуя лезгинку, вскидывала вверхъ худенькія, затянутыя въ перчатки руки и, наклонивъ темнорусую головку, плыла по залѣ, казалось, сама Тамара сошла съ горныхъ вершинъ Кавказа. Никто бы не назвалъ ее красивой, но въ ней было столько чарующей прелести, столько нѣги и ласки. Затѣмъ я какъ-то сразу потерялъ ее изъ виду и только слышалъ, что она гдѣ то служить, работаетъ, живеть въ бѣдности, разставшись съ родными, часто болѣеть, и въ ней трудно узнать прежнія прелестнаго ребенка. Не осталось прежней живости, выпали роскошные волосы, затихъ голосистый смѣхъ. Ея родные отзывались о ней, какъ о неблагодарной, злой, но я не вѣрилъ имъ. Ужъ очень они прославляли свою добруту и скрывали семейства дѣла, въ которыхъ сквозила какая-то грязь. Это были низкіе люди, и пословица на нихъ оправдалась вполнѣ: „Богъ шельму мѣтитъ“. Всѣ они были какіе-то Богомъ обиженные, вѣчно и вѣсъ больны.

Прошло шесть лѣтъ. Однажды на одной изъ станцій Николаевской дороги я смотрѣлъ на подходящій поѣздъ. На площадкѣ вагона стояла она или, вѣрнѣе, ея тѣнь. Она какъ-то вся согнулась, пожелѣла, на лицѣ появилось выраженіе грусти, на лбу и около рта легли морщины, а въ милюхъ глазахъ было столько за-
таеннаго горя... По моему разсчету, ей было 22—23 года, но не лѣта старять, а горе. Въ черномъ гладкомъ платьѣ, съ гладко зачесанными волосами, это было олицетвореніе скорби. Вотъ она закашлялась, поднесла ко рту платокъ, и на немъ появились алые пятна крови. Потѣздѣ тронулся, и еще разъ мелькнуло блѣдное лицо съ печальными глазами и скрылось. И мелькнули передо мною темные косы, залъ, скверкающій огнями, чайные розы въ волосахъ и на груди, розовое

Професоръ князь Е. Н. Трубецкой.
Лидеръ партіи „мирного обновленія“.

платье и розовая надежда, а гдѣ-то се-
ребристой трелью прозвенѣлъ молодой смѣхъ. Вскорѣ послѣ этого я видѣлъ ея мать въ вагонѣ. Онаѣхала съ семьей, окруженнаго роскошью и, вѣроятно, син-
тая себя правой и добродѣтельной ма-
троной, отнявъ имя и ласку у обреченной на горе и одиночество дочери, пущенной въ свѣтъ, благодаря минутной забавѣ. Я слышалъ, какъ она, о чёмъ то говоря, гром-
ко вздохнула и пропѣла слабымъ голо-
сомъ: „Боже, какъ тяжела жизнь!“ Я по-
смотрѣлъ на бриліанты, сверкавшіе въ
ушахъ и на пальцахъ, посмотрѣлъ на
тысячную рогонду, на дѣтей и мужа, ста-
равшихся устроить ее поудобнѣе, и пере-
до мной мелькнула черная фигура, груст-
ные глаза и алые пятна на блѣдомъ
платкѣ.

Г. А. С.—.

Изъ театральныхъ воспоминаний.

Извѣстный въ свое время актеръ Вы-
ходцевъ, славившися перевираниемъ
словъ и цѣльныхъ фразъ, любилъ прибѣ-
гать къ такъ называемымъ „фортельямъ“,
не брезгая никакими средствами для ихъ
изученія.

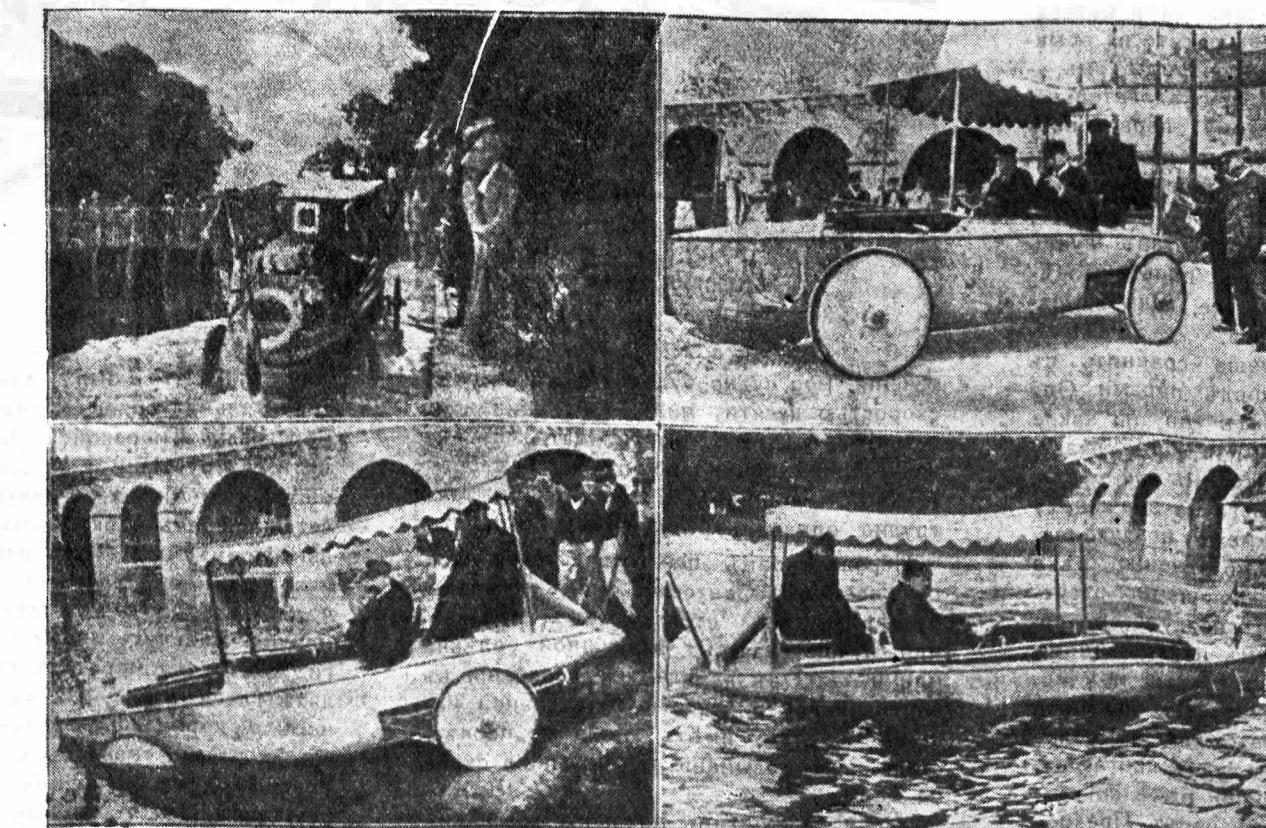

Императрица Китая.

Съ послѣдняго фотографического снимка, сделанного въ ея саду.
По правую руку отъ боярьханши стоять двѣ придворныя лады,
а по лѣвую руку — главный придворный евнухъ.

Марко-Бовчонокъ,
Марья Александровна Марковичъ, известная
писательница, недавно скончавшаяся.

Лодка, приспособленная къ сухопутному передвижению, изобрѣтеннія Равальери.
1) Возвращеніе на сушу. 2) По дорогѣ къ рекѣ. 3) Спускъ въ реку. 4) Въ дорогѣ.

— Фортель уже прошелъ... — Подавай!..
 — Апплодисментъ!...
 — Апплодисмента не будетъ!... Пода-
 давай, чортъ тебя побери!...
 Суфлеръ скалился и сталъ подавать.

**

Въ провинциальномъ городѣ шла ста-
 ринная французская мелодрама. Артист-
 ка, игравшая заглавную роль, должна
 была весь послѣдній актъ лежать въ
 гробу. На несчастье, премьерша оказалась
 суевѣрной и лечь въ гробъ не пожела-
 ла, прося замѣнить ее кѣмъ-нибудь дру-
 гимъ. Среди артистовъ желающихъ так-
 же не оказалось. Тогда обратили внима-
 ніе на младого безусаго солдатика,
 статиста съ женоподобнымъ лицомъ.
 Антрепренеръ подзываетъ его къ себѣ.

— Надѣнешь саванъ и ляжешь въ
 гробъ?...

— Такъ точно...

— Лежать смиро, не шевелясь... По-
 нялъ?...

— Такъ точно-съ...

Одѣли солдатика въ саванъ, положили
 въ гробъ, а надъ головой повѣсили лам-
 паду съ зажженной стеариновой свѣчкой.

Поднимается занавѣсь. Оплившая свѣч-
 ка начинаетъ капать солдатику на носъ.

— Ммм... — мычить онъ, стараясь не
 шевельнуться, — Ммм... Ммм...

Свѣчка продолжаетъ капать. На носу
 образовывается довольно солидное стеа-
 риновое возвышеніе.

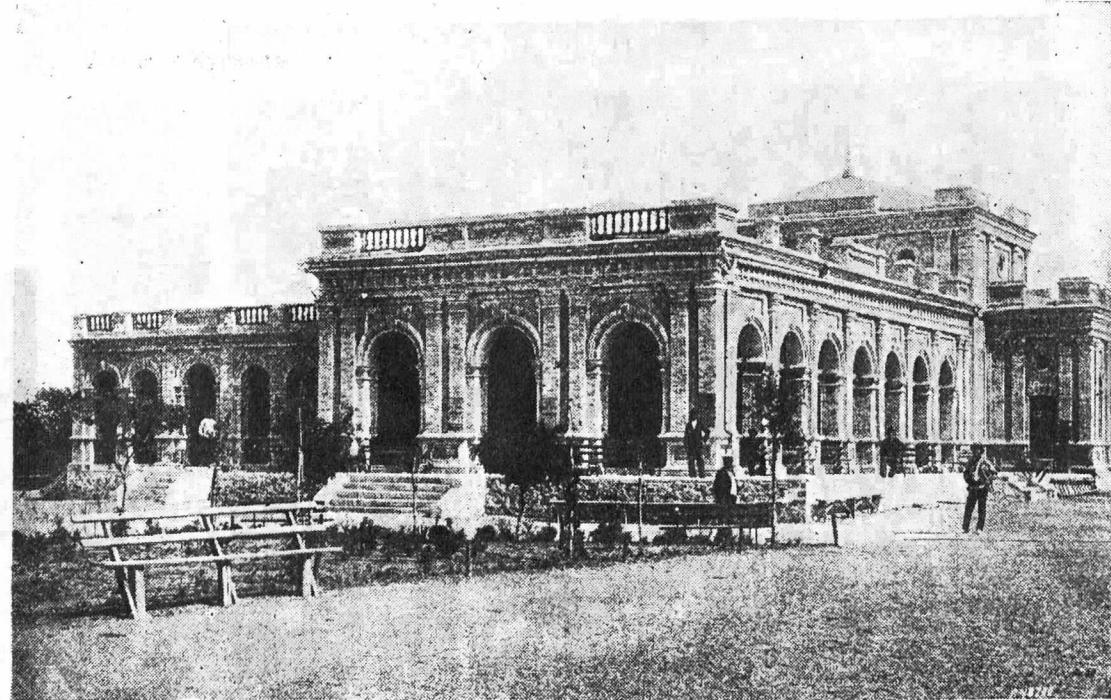
Наконецъ, солдатикъ не выдерживаетъ.
 Продолжая мычать, поднимается изъ гро-
 ба со скрещенными руками, задуваетъ
 свѣчку и опять ложится на прежнее
 мѣсто.

Благодаря гомерическому хохоту публи-
 ки, занавѣсь пришлось опустить.

Разныя разности.

*Впечатлѣнія новаго воздухоплава-
 теля.* Сантосъ-Дюмонъ недавно написалъ
 книгу, озаглавленную „Въ воздухѣ“, въ
 которой описываетъ ощущенія, пережи-
 раемыя воздухоплавателями во время
 своихъ путешествій высоко надъ поверх-
 ностью земли. „Когда вы летите на обык-
 новенномъ аэростатѣ, — говоритъ онъ, —
 вы несетесь по вѣтру и, слѣдовательно,
 не чувствуете его. Поэтому первое впе-
 чатлѣніе находящагося на летательной
 машинѣ — это удивленіе при ощущеніи
 движения впередъ. Я былъ удивленъ,
 когда почувствовалъ, что вѣтеръ дуетъ
 мнѣ прямо въ лицо, и мое пальто развѣ-
 валось совершенно такъ же, какъ на па-
 лубѣ океанскаго парохода.

„Воздухоплаваніе лучше сравнить съ
 плаваніемъ на рѣкѣ подъ парами. Оно
 совершенно не походитъ ни на какое
 плаваніе подъ парусами, и когда возду-
 хоплаватель говоритъ, что онъ лавириуетъ,
 онъ прибѣгаєтъ къ ничего не значащему
 сравненію. Но аналогія между воздухопла-
 ваніемъ и плаваніемъ по теченію рѣки
 полная. Когда вѣтеръ совершенно отсут-
 ствуетъ, то плаваніе въ воздухѣ совер-
 шенно скоже съ плаваніемъ на спокойномъ
 озерѣ. Если же есть вѣтеръ, а мой мо-
 торъ несетъ меня со скоростью двадцати
 миль въ часъ, то я нахожусь въ поло-
 женіи капитана парового судна,двигающа-
 гося вверхъ или внизъ по рѣкѣ со ско-
 ростью двадцати миль въ часъ. Предпо-
 ложимъ, что теченіе рѣки равняется де-
 сяти милямъ въ часъ. Тогда, идя противъ

Курзалъ въ г. Анапѣ, Кубанской области.

Грязевые ванны въ лечебнице В. А. Будзинского въ Анапѣ.

теченія, мое судно будетъ подвигаться со
 скоростью десяти миль, а идя внизъ по
 теченію — со скоростью тридцати миль въ
 часъ. То же самое происходитъ съ лета-
 тельной машиной. Вотъ почему такъ
 трудно опредѣлить ея точную скорость.

Передъ своимъ первымъ воздушнымъ
 путешествіемъ Сантосъ-Дюмонъ не зналъ,
 будетъ ли онъ страдать отъ морской
 или, лучше сказать, воздушной болѣзни
 или нѣть. Онъ думалъ, что колебанія въ
 вертикальной плоскости летательной ма-
 шины будутъ имѣть такія же послѣд-
 ствія, какъ подыманіе и опусканіе судна
 на морѣ.

„Но я не ощутилъ никакого раскачи-
 ванія на моемъ воздушномъ суднѣ. Хотя
 во время нѣкоторыхъ моихъ путешествій

говорили, что была замѣтна довольно
 значительная боковая качка, но я никогда
 не страдалъ морской болѣзнью. При под-
 нятіи и опусканіи воздушного судна не
 ощущается никакихъ толчковъ; оно не-
 сется впередъ спокойнымъ скользящимъ
 движениемъ; при этомъ раскачиваніе про-
 исходитъ менѣе часто и менѣе быстро,
 чѣмъ на морѣ, и такъ спокойно, что
 можно вычислить длину описываемой ду-
 ги. Толчки на морскихъ судахъ происхо-
 дятъ главнымъ образомъ отъ того, что
 носъ и корма поочередно поднимаются
 изъ воды и снова въ нее погружаются.
 Воздушное же судно никогда не покида-
 етъ своей стихіи ни цѣликомъ, ни ча-
 стями.